

ГУБНЫЕ НАКАЗЫ СЕЛАМ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ 1549—1550 гг.

Губной наказ селам Кирилло-Белозерского монастыря от 27 сентября 1549 г. уже давно занимал особое место среди дошедших до нас губных грамот XVI в.¹ Это был единственный из имеющихся в руках исследователей губных наказов, который столь хронологически близок к Судебнику 1550 г., утвержденному Боярской думой, как явствует из его заголовка, в июне. Недавно нам стало известно, что П. А. Садиковым были найдены еще два белозерских губных наказа — Судской волости от 9 октября 1549 г. и селам Кирилло-Белозерского монастыря от сентября 1550 г. Оказалось, что первый сохранился в копии XIX в. в сборнике актов К. М. Бороздина, второй — в одной из копийных книг Кирилло-Белозерского монастыря XVII в.²

В Белозерской земле губное самоуправление было введено в конце 1539 г. Согласно Белозерской уставной губной грамоте от 23 октября 1539 г., во всех ее волостях были созданы губные органы для сыска и казни «ведомых разбойников». На каждую волость выбиралось по три-четыре «выборных головы», или, как позднее их стали называть, губных старосты. В таком или несколько

¹ ААЭ, т. I, № 224. Общий обзор губных грамот первой половины XVI в. см.: Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.—Л., 1957. Губная грамота Устюжского уезда 1540 г. опубликована А. К. Леонтьевым в № 4 журнала «Исторический архив» за 1960 г.

² Наказ 1549 г. — ЛОИИ, 11 к., сб. № 112, отд. IV, № 22. Наказ 1550 г. — ГПБ, СПб. дух акад., А II/47, № 104. В оглавлении последнего сборника (на л. 29) его переписчик упоминает еще о каком-то губном наказе 1550/51 г.: «Две грамоты о губном деле. Грамота царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси о губном деле лета 7059-го сентября (№ 104, — Н. Н.). Другая грамота царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси о том же деле лета 7059-го. Обе на листех. Несписана. В казне». Об этих находках П. А. Садикова мы уже говорили в предисловии к своей публикации «Губной наказ Новгородской земле 1559 г.» (Исторический архив, 1959, № 4, стр. 212).

отличном виде губные органы были учреждены в конце 30-х—начале 40-х годов и в других районах страны.³ Одновременно ли с Троице-Сергиевым монастырем (в 1541 г.) или позднее, что более вероятно, получил право иметь свои особые губные органы Кирилло-Белозерский монастырь, сказать пока нельзя. Но к 1549 г. они у него уже были, так как губной наказ Кириллова монастыря от 27 сентября 1549 г. отнюдь не дает оснований считать, что до него монастырь не имел своих губных органов.

Так, если в уставных губных грамотах Троице-Сергиева монастыря от 25 октября и 25 ноября 1541 г. прямо указывалось, что они выданы по челобитью троицкого игумена Алексея «с братией», то губной наказ 1549 г. (адресованный «всем крестьянам» кирилловских белозерских сел) настолько трафаретно, следуя формуляру Белозерской губной грамоты 1539 г., излагает причины его выдачи (повсеместные разбои и татбы), что не остается сомнений в том, что содержащееся в нем указание о великокняжеском «пожаловании» «по их (монастырских властей и крестьян, — Н. Н.) челобитью» — лишь переходящая из грамоты в грамоту стандартная формула, а не свидетельство о впервые предоставляемом монастырю в 1549 г. праве иметь на Белоозере своих губных старост. Да и по существу наказ 1549 г. отнюдь не учреждает особое губное самоуправление в кирилловской вотчине (в поименованных в нем пяти монастырских селах: Романовском, Товском, Рукинском, Колкач и сельце Вашкей), а лишь утверждает монастырскими губными старостами, по челобитью кирилловских властей и крестьян, детей боярских Терентия Матвеева сына Монастырева и Давыда Григорьева сына Сапогова, а также пятерых целовальников, «тех же сел крестьян» (видимо, по одному от каждого села), перечисленных в наказе поименно, так же как губной наказ Кирилло-Белозерскому монастырю от сентября 1550 г. (почти дословно повторяющий наказ 1549 г.), сохраняя тех же губных целовальников (тоже перечисляемых поименно), утверждает уже новым монастырским губным старостой сына боярского Мясоеда Семенова сына Вислова, бывшего до этого губным старостой Судской волости.

Сказанным, по существу, определяется и различие в самой организации монастырского губного самоуправления по троицким губным грамотам 1541 г. и кирилло-белозерским наказам 1549—1550 гг. По первым во главе губного самоуправления в троицкой вотчине стояли сами монастырские слуги (по грамоте 23 октября — специальные сотские, пятидесятские и десятские, подконтрольные монастырским приказчикам, а по грамоте 25 ноября — особые «головы» из монастырских приказчиков, наделенные правами губных старост), а по вторым кирилловскими губными старостами избираются уже обычные уездные дети боярские.

³ Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления... стр. 236—288.

Действительно, и Д. Г. Сапогов, и особенно Т. М. Монастырев, хотя и находились, видимо, в весьма близких отношениях с монастырскими властями (именно поэтому они и были ими избраны в качестве своих губных старост), но отнюдь не состояли на службе у Кирилло-Белозерского монастыря, а принадлежали к довольно известным старым родам белозерских вотчинников, многие представители которых записаны в Дворовой тетради.⁴ Что касается Мясоеда Вислова, тоже принадлежавшего к местным вотчинникам, то до избрания его 9 октября 1549 г. губным старостой Суды он в 1536—1549 гг. был белозерским городовым приказчиком (кстати, в 1536 г. вторым приказчиком был Афанасий Сапогов).⁵ Числится Мясоед Вислов по Белоозеру и в Дворовой тетради, но записан там уже дьяком.⁶ Если же учесть, что Дворовая тетрадь была составлена, как указывается в одном из ее списков, в «7060 г.»,⁷ т. е. в период с сентября 1551 по сентябрь 1552 г., то, следовательно, и Мясоед Вислов был губным старостой Кирилло-Белозерского монастыря только один год, иначе говоря, тот же срок, что и его предшественники. Не объясняется ли это каким-то не дошедшим до нас правилом об ежегодной перевыборности губных старост? Правда, позднее, возможно в связи с царским приговором 1555/56 г. об отмене кормлений, потребовавшим большей стабильности в местном управлении, это правило утратило силу.⁸

⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950, Дворовая тетрадь, лл. 110 об., 111 (далее: Дворовая тетрадь). Среди детей боярских по Белоозеру записан, в частности, «Гаврило Давыдов сын Сапогов. Убит» (л. 110 об.). Всего вероятнее, что это сын губного старосты. Что касается положения Терентия Матвеева сына Монастырева, то следует указать, что в архиве Кирилло-Белозерского монастыря сохранилась его данная монастырю как раз от 1549/50 г. на его родовую вотчину — село Пантелеймоново. Из данной видно, что Т. М. Монастырев уже был должен монастырю 100 рублей, вотчина же была им оценена в 140 рублей (ЦГАДА, ГКЭ, Белозерский уезд, № 799/98). Любопытно также, что среди лиц, «сидевших» у данной, названы, в частности, Мясоед Вислов и Яков Михайлов сын Гневашев (Стогинин), тоже будущий белозерский губной староста, но, правда, уже общеуездный (Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления..., стр. 333—334). Родственник последнего, Федор Гневашев сын Стогинин, был, кстати, в 1530—1534 гг. белозерским городовым приказчиком (ГПБ, Санкт-Петербургская духовная академия, № А 1/16, Копийная книга Кирилло-Белозерского монастыря, лл. 15 об.—16; АЮ, № 20).

⁵ РИБ, т. 2, №№ 31, 32; Архив Строева, т. I, № 176.

⁶ Дворовая тетрадь, лл. 89 об., 110 об. В 1556 г. Мясоед Вислов был дьяком Большого дворца, в 60-х годах — Разбойного приказа. Вообще подробно о служебной карьере этого крупного приказного дельца времени Ивана Грозного см.: П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 131—134, 153, 266.

⁷ ГИМ, Музейное собр., № 3417, л. 42 об.

⁸ О сроке пребывания губных старост на должности см.: К. Ретвих. Органы губного управления XVI—XVII вв. (Сборник правоведения и общественных знаний, кн. IV, СПб., 1896, прилож.).

Но что представляли собой села Кирилло-Белозерского монастыря, перечисленные в его губных наказах 1549—1550 гг., как обладающие правом иметь свое губное самоуправление? Иначе говоря, что представлял собой монастырский губной округ — монастырская губа? Первым и наиболее крупным из них является село или слобода Романовская. Это большая монастырская вотчина, протяженностью около 20 км, расположенная к северу от Череповца в верховьях рек Арбуя и Кономы. По письму Ф. Хидырщикова и Г. Лукина 1543/44 г., к селу Романовскому тянуло 74 деревни и 22 починка. До перехода в руки монахов это были, в основном, земли бояр Монастыревых и других вотчинников Белозерского края.⁹

Примерно в 20—25 км к востоку от Романовской вотчины по реке Уломке располагался второй крупный массив монастырских земель, тянувших к селу Товскому. Это были монастырские владения в волостях Това, Чуровская, Чаромская и в Судбицах. В самой Тове, по письму 1543/44 г., Кириллов монастырь владел 13 деревнями и 2 починками, всего же в этих волостях монахам принадлежало 33 деревни и 60 починков. Земли в прошлом были как вотчинные, так и черные.¹⁰

На север от села Товского (километрах в 25 от него) находились монастырские деревни на Колкаче, которыми и начинался основной костья монастырских земель, раскинувшихся широкой полосой почти на 40 км длиной на восток и юго-восток от самого Кирилловского монастыря и охватывающих волости: Волочек Словенский (земли у села Великого), Рукинскую и Колкач. Центральным из этих владений и было село, или слобода, Рукинская. Всего по письму 1543/44 г. монахи владели здесь 3 селами, 61 деревней и 42 починками. Из них в Рукинской слободе 1 село, 36 деревень, 14 починков, на Колкаче — соответственно 1, 17, 15, в селе Великом — 1, 8, 13.¹¹

До перехода в монастырь это были преимущественно черные земли, хотя было среди них немало и вотчинных, особенно на Колкаче.

Что касается села (сельца) Вашкей, то оно находилось в стороне от перечисленных основных монастырских владений (примерно в 90—100 км от самого Кириллова монастыря), на северном берегу Белого озера. Это была небольшая монастырская волость, непосредственно примыкающая тоже к небольшой и тоже

⁹ Данные письма 1543/44 г. приводятся в жалованной грамоте Кирилло-Белозерского монастыря 1556 г. (АСЭИ, т. II, № 316; см. также: А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 121—124, карта № 2 — К9, К10).

¹⁰ АСЭИ, т. II, № 316; А. И. Копанев. История землевладения... стр. 117—121, карта № 2 — М10.

¹¹ АСЭИ, т. II, № 316; А. И. Копанев. История землевладения... карта № 2 — М7, М8, Н7, Н8

принадлежащей Кириллову монастырю Кивуйской волости. По письму 1543/44 г. на Кивуе у монастыря было 1 село и 12 деревень. Село же Вашкей почему-то не упоминается в жалованной грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю 1556 г., хотя по другим актам похоже, что именно оно, а не Кивуй было административным центром этой монастырской вотчины. Во всяком случае, село Вашкей было не только крупнее села Кивуй, но уже к 40-м годам XVI в. в нем имелось две монастырские церкви — Троицы и Николы Чудотворца (упоминаний же о существовании церкви в Кивуе в источниках нет).¹²

Таким образом, мы видим, что перечисленные в губных наказах 1549—1550 гг. села представляли собой центры крупных монастырских владений, охватывающих, как правило, целые волости или значительные части их. По письму 1543/44 г. Кирилло-Белозерский монастырь всего владел на Белоозере 7 селами, 241 деревней и 145 починками, действие же губных наказов распространялось на 5 сел (не считая сел Великого и Кивуй), 170 деревень и 120 починков. По существу, только одно крупное кирилловское владение на Белоозере — околмонастырская волость Федосьин городок — не названо в губных наказах.¹³ Но невозможно допустить, что как раз на нее, как и на другие околмонастырские земли, не распространялась власть монастырских губных старост. Не правильнее ли другое: околмонастырские земли (включая Федосьин городок) не были специально оговорены в губных наказах, поскольку это само собой разумелось. Если это так, то тогда мы уже вполне определенно можем утверждать, что указы 1549 и 1550 гг. имели в виду, по существу, всю белозерскую вотчину монастыря, выделенную в особую губу. Что же касается мелких монастырских владений, разбросанных вперемежку с другими землями вдали от основных монастырских вотчин, то, хотя на них, как мы увидим ниже, и распространялась власть обычных волостных губных старост, но только по мелким делам, крупные же разбойные дела и в них решались с обязательным участием монастырских губных старост.

Но наличием особой монастырской губы, по существу, и исчерпывается своеобразие монастырского губного самоуправления по губным наказам 1549—1550 гг. Во всем остальном — и в организации губного управления, и в особенности в его деятельности — составители наказов полностью руководствуются теми же общими правилами, которые, как видно из Судского губного наказа 1549 г., приложимы и для обычных волостных губных институтов. Новое же

¹² По письму 1601 г. на Вашкее у Кириллова монастыря было 1 село и 14 деревень (АСЭИ, т. II, № 316; А. И. Копанев. История землевладения... стр. 130—134, карта № 2 — И5).

¹³ По письму 1543/44 г. здесь было у монастыря 1 сельцо, 54 деревни и 21 починок (АСЭИ, ч. II, № 316; А. И. Копанев. История землевладения... стр. 100—108, карта № 2 — К7).

во всех этих наказах, по сравнению с губными грамотами 1539—1541 гг., состоит в явно выраженном в них стремлении укрепить общеуездную систему губного управления, придать ей более действенный и в то же время общеземский характер.

В тексте наказов настойчиво проводится мысль об единстве и корпоративности всей губной организации в уезде, равноправными и однородными звеньями которой являются в равной степени и волостные, и монастырские губные старосты. Так, все три наказа 1549 г. исходят из правила (применяемого, видимо, уже повсеместно), что сыск и расправа над «ведомыми» разбойниками и татями осуществляются в уезде губными старостами различных волостей, включая монастырских, совместно. Только в порядке исключения, когда «в станех и в волостях розбойничьи и татины дела невеликие», указы допускают, что эти дела «мочно делати и не всем вмести», но даже и в этом случае обязательно «меж себя поговоря» и когда «в котором деле меж вами (губными старостами, — Н. Н.) спору не будет». Делали же «однолично» эти мелкие дела те губные старосты, которые «живут... ближе» к тому или иному стану или волости, т. е. не обязательно на монастырских землях только монастырские губные старосты, а на волостных землях только волостные. В равной степени сказанное относится и к посадку. Что же касается «великих» «розбойных и татевных дел», то в этих случаях и монастырские, и волостные губные старосты обязаны были «съезжаться» «изо всех станов и из волостей в город на Белоозеро», да «великие дела» «делати и управу чинити и вершити их все вместе, по нашему указу», о всех же нерешенных делах («невозможно управы учинити») писали в Розбойной приказ, который «в тех делех указ учинит». И даже более того, если какие-либо губные старосты, как специально разъяснялось в наказах, находились на государственной службе и «от службы их отставить не мочно», то они бы «нашу службу служили», но их товарищи, хотя и обязаны были без них вести сыск и расправу над ведомыми разбойниками и татями, выносить решения имели право лишь по мелким делам, «а которые розбойники доведутся до смертные казни, и им тех разбойников без тех старост, которые будут на службе, казнити не велети и дел их вершити». Как мы видим, вопрос о соблюдении коллегиальности в деятельности губных старост настолько беспокоил правительство, что оно, хотя и допускало исключения из него, но только по мелким делам. Кстати, последнее разъяснение ясно говорит о том, что первоначально избрание того или иного сына боярского губным старостой не освобождало его на это время от ратной государственной службы. Боярская книга 1556 г., как известно, сообщает уже о другом.¹⁴

¹⁴ Боярская книга 1556 г. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, кн. 3, отд. 2, 1861, стр. 51—53, 74 (лл. 79, 83, 152).

Итак, как мы видим, проводимая наказами 1549—1550 гг. нивелировка в обязанностях и деятельности монастырских и волостных губных старост, по существу, не только полностью уравнивала их, но создавала базу для окончательного упразднения волостного губного управления и превращения его в общеуездное, что и произошло в 1555—1556 гг. в связи с отменой системы кормлений и сосредоточением в руках губных старост основной судебно-административной власти на местах.

Именно в этой связи и надо рассматривать констатируемый наказами 1549—1550 гг. факт расширения компетенции губных старост путем активного привлечения их к рассмотрению, помимо дел о разбоях, дел о татях (и не только ведомых) и установлению новой процедуры и новых правовых норм их рассмотрения. Как справедливо отмечал еще И. И. Смирнов, этот специальный раздел о татях, включенный в кирилловский губной наказ 1549 г. (И. И. Смирнову был известен лишь этот наказ), и имелся в виду в 60-й статье Судебника, разъясняющей взаимоотношения между наместниками и губными старостами:¹⁵ «А старостам губным, опричь ведомых разбойников, у наместников не вступатись ни во что. А татей им судити по царевым великого князя грамотам, как в них написано».¹⁶

Содержание этого раздела о татях идентично в монастырских и Судском наказах. Суд над татями на местах осуществляется совместно губными старостами и наместниками или волостелями, причем расправа над татями лежала на губных старостах, а наместники и волостели ограничивались более пассивной ролью — «на тате продажу свою учинити», т. е. взыскать в свою пользу судебные пошлины. Нормы же расправы над татями были весьма суровы. За первую татьбу полагалось битье кнутом и изгнание «из земли вон»; за вторую — битье кнутом, отсечение руки и изгнание; за третью — смертная казнь через повешение «в тех местах, где которого татя поймают с татбою». Эти нормы и легли в основу 60-й статьи Судебника 1550 г. Теперь это бесспорно.

И, наконец, последнее. Обращает на себя внимание, что все дошедшие до нас губные наказы Белозерской земле от первой половины XVI в. датированы сентябрем или октябрем месяца: Белозерская губная грамота 23 октября 1539 г., губные наказы Кирилло-Белозерскому монастырю от 27 сентября 1549 г. и сентября 1550 г., Судской волости от 9 октября 1549 г. Случайно ли это обстоятельство? Не объясняется ли это тем, что в Белозерской земле (как, возможно, и в Каргопольской) смена губных старост (видимо, погодная) производилась в то время именно в эти месяцы? В других же уездах были, видимо, свои сроки. Этот факт, сам по себе казался бы малозначительный, в то же время является

¹⁵ И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30-х—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, стр. 330—333.

¹⁶ Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 160.

наглядной иллюстрацией строго продуманной, четкой системы организации губного управления как внутри одного уезда, так и в масштабах всей страны. То же, что губные наказы Кирилло-Белозерского монастыря 1549—1550 гг., выданные — один за восемь месяцев до Судебника, а другой через три месяца после него — и оба по одному образцу с наказом Судской волости 1549 г., лишь подтверждает наш вывод, что перед нами обычный тип общепринятого губного наказа, узаконенного Судебником 1550 г., действие которого в полной мере было применимо и к обычной волости — губе, какой была белозерская волость Суда, и к монастырскому губному округу. Именно это и делает губные наказы Кирилло-Белозерского монастыря 1549—1550 гг. особо ценными источниками в руках исследователей, занимающихся изучением как непосредственно губного управления, так и вообще истории местного управления в России XVI в. в целом.
